

Глава 1.

Стефания Стрэндж с трудом сдерживала себя, чтобы не издать удивленный вопль и броситься вперед, раскинув руки. Всего десяток минут назад она прилетела в аэропорт Москвы, чтобы уже отсюда продолжить свой путь, но стоило ей только пройти зону ожидания и дойти до стоек регистрации, как ее взгляд зацепился за знакомое лицо. Еще миг и знакомое лицо обратило на нее внимание и всем своим видом изобразило удивление. Высокий, каштановолосый парень в потрепанной одежде замахал ей рукой, назвав по имени с таким акцентом и расстановкой букв, что сомнений в личности крикуна совершенно не осталось, пусть и с момента их последней личной встречи прошлой Бог знает сколько времени. Стефания была уверена, что это точно Николай «Ник» Лукин.

Он был одним из ее первых, если не самым первым. Стефания даже не помнила толком как они познакомились. Это было что-то между выпуском из школы и поступлением в мед, кажется тогда она на радостях накатила с тогда еще имевшимися подружками и в одном из ресторанов пересеклась с обходительным молодым человеком, так же что-то празднующим. Слово за слово, поглаживание за поглаживание и вот они уже целуются на улице, ловя такси, а дальше незабываемая ночь у него в квартире. И вот на утро они уже встречаются.

Это были самые долгие отношения девушки. Слишком долгие по меркам самой Стефании так как отношения с парнем избаловали девушку и сформировали у нее определенные вкусы в мужчинах. Сама она называла въевшийся ей в душу типаж «очаровательный мерзавец», правда больше чем пара однообразных ночей и гора патоки такие люди не могли ничего дать хирургу уже начавшему завоевывать мировую известность. Только кажется было что-то в Нике, что-то что заставляло вспоминать ее одинокими ночами перед телевизором или во время отдыха после особо тяжелой операции. Возможно это было то что к мерзавцу шла приписка Домашний.

-Стеф! Ты очаровательна, как и всегда. – руки оказавшегося рядом Ника тем временем ласково прошли по ее щекам и завели пальцы за уши, аккуратно и нежно поглаживая обветрившуюся кожу и спутавшиеся волосы. – Только посмотри на себя, трупная бледность мало кого красит, но ты словно статуя... Рад видеть!

-Не думаю, что это то чему стоит радоваться. – угрюмо ответила Стефания, пусть на ее лице и непроизвольно появилась улыбка от неловкого комплимента.

-Нет-нет, что ты такое говоришь! Нельзя недооценивать такую красоту! Ах, будь на тебе чуть больше косметики, вокруг глаз, а зубки заточены как ножи, и я бы дал себя укусить!

Стефания улыбнулась еще шире и почти почувствовав укол нежности в своем сердце. Верно, Ник ведь всегда был больше «очаровательный» чем «мерзавец», с самых первых дней он всегда был мягок, добродушен и заботлив, смотря на девушку скорее как на избалованного, но любимого лично им, ребенка чем на лучшую студентку на всем курсе. Может по этому их

отношения продлились почти до самого конца ее практики? Стефании нравилось ощущать его ничего не требующую взамен заботу, нравилось греться в его добродушном тепле, слышать искренние и пусть местами неуместные комплименты, вслушиваться в его монотонные бубнеж написанных текстов и трепетно замирать в ожидании чувственных поцелуев и касаний после тяжелого дня.

Улыбка дрогнула. Потом это все кончилось. Она променяла это домашнее чувство уюта и любви на человека, казавшегося ей респектабельнее, серьезнее, приличнее, завоевавшего ее внимание одним моментом своим статусом и тем какие связи это могло дать. Конечно уже через месяц или полтора она сама бросила того парня, но это был удар. Но даже когда она прямо говорила ему что не хочет причинять ему боль и бросает его ради богатенького мешка – он улыбался, пусть грустно и с затаенной где-то глубоко в полу-прикрытых уголках глаз обидой, но улыбался и прощал. Только спустя годы Стефания понимала, что сделала, и какого человека подтолкнула к пропасти.

Девушка слышала о его жизни, иногда следила за ним в пол глаза, слушала слухи, заглядывала в профиль с фотографиями, временами заходила на официальный сайт, покупала книги за его авторством. Наблюдала как он скакал в своем повествовании и стиле после каждого им потрясения или необычного момента. Иногда анонимно отсылала символические суммы по праздникам. И каждый раз ей приходила благодарность – Ник неизвестно как всегда знал, что это она. Последняя новость что дошла до нее рассказывала об аварии и тяжелой форме депрессии и помешательстве Ника. Стефания отправила ему денег на лечение, ощутив тогда приступ высокомерной жалости. Ответа в этот раз не пришло. А потом он исчез, растворился в веренице всего и разом, просто пропал и было уже поздно искать – все имущество было продано, связи разорваны, никто не знал где он и жив ли вообще, а Стефании стало уже совсем не до того – ее поглотила рутина дней богачки и известной личности, стоящей свою карьеру самым перспективным и прямым способом.

И вот они оба здесь. Она ничтожная, пусть и гениальная, но павшая на дно и лишившаяся всего что было, с потухшим взглядом, трясущимися руками и готовая тащиться на край мира, в горы, в безнадежной отчаянной попытке тратя последние деньги, чтобы уцепиться за какую-то странную методику, возможно способную вернуть ей все. И он – все так же нежно улыбающийся ей, но теперь лишь тень себя – одетый в обноски, бледный, худой, с глазами уже без привычного ленивого, но полного живого вызова прищура, сменившегося усталостью, затаившейся в полу-закрытых глазах среди лихорадочных огоньков. И хромающий, опирающийся на последнюю хоть что-то стоящую вещь – резную трость с белым набалдашником.

-Куда же ты собралась, Стеф? Да и где твои сопровождающие? Опасно знаешь ли такой красивой и хрупкой девушке быть одной. Тебе помочь?

-С чем, Ник? – с горечью, словно съела лимон, выдавила Стефания. – Ты же даже не знаешь куда я собралась идти... Ради чего иду.

-Какая мне разница. Тебе нужна помощь, и я помогу.

-У тебя, наверное, есть и свои дела, не думаю что стоит...

-Стоит, Стеф. Стоит.

-Ник. НЕ надо, давай просто разойдемся, я не смогу.... Тебе не надо.

-Эй-эй, мисс Доктор. Я уже все решил, тебе не стоит переживать – меня никто не ждет и идти мне некуда. Почему бы не попутешествовать со старым другом. Пусть даже не зная куда, но зато зная зачем.

Его пальцы нежно обхватили ладони девушки, а глаза встретились с ее. Слишком поздно Стефания сообразила, что нежные, сухощавые пальцы поглаживают исполосовавшие ее руки шрамы. Девушка поспешила отдернуть конечности, но ладони Ника перехватили ее чуть дальше запястья, там, где она совсем не чувствовала боли. Его лицо оказалось очень близко, позволяя разглядеть каждую деталь на лице до мельчайшей подробности. Морщины, шрамы, следы старых синяков. Словно мозг под микроскопом. Казалось он вновь ожил, отбросил мучавшие его печали и боль, но все это лишь для того чтобы вселить эту жизнь в нее. Стефании до безумного захотелось заплакать, забиться в угол кровати, свернуться калачиком и накинуть сверху одеяло. Захотелось не чувствовать ничего, ни боли, ни страха, ни предательства, ни злобы на всех включая себя. Не хотелось даже ощущать сочувствие Ника, только его нежные касания и теплоту. Хотелось быть ребенком, самым обычным. Почему-то именно этого хотелось сейчас Стефании больше всего.

И Стефания Стивен Стрэндж заплакала. Ее глаза жутко зачесались, в груди поселился мощный, давящий ком и легкие вместо слов благодарности или гневного отказа - выдавили лишь бессвязный, полу-задушенный писк мокрого котенка. А потом покатались слезы и она дрожащими, болящими словно ошпаренные кипятком конечностями вцепилась в Ника, упершись лбом ему в грудь. Она плакала как героиня мыльной оперы или какой-то драмы, всхлипывая и подывая. Рыдала навзрыд, бессвязно бормоча о том, как она устала от всего, от людей и их слов, от себя и боли.

Стефания даже не заметила, как они покинули людный аэропорт, как шли по улицам, как сели в такси и как они оказались в поезде. Признанный хирург, потерявший все лишь плакала и цеплялась за единственного близкого человека на всю огромную, холодную и пустынную, незнакомую страну вокруг.

Лишь уже чувствуя мерное покачивание поезда и слушая незамысловатый мотив на русском, она пришла в себя. Часы на руке показывали, что прошло больше шести часов с момента как она оказалась в аэропорту. Простой вагон был почти полностью пуст и казался брошенным зданием из-за поселившейся в нем тишины, а за окном белесым оком сияла Луна и звезды, пробивавшиеся через вздувшиеся тучи.

Стефания лежала на коленях Ника, покрытая одеялом с подложенной под голову маленькой подушкой и поддерживаемая руками парня, сейчас лишь привалившегося к стенке. В бледном свете он выглядел даже более изможденно чем при свете дня, но от этого же света он

выглядел и до мистического притягательно – застыв изваянием, с полу-открытым ртом, с дрожащими ресницами, временами коротко и резко вздыхавший. Возможно ей стоило бы перейти на другую койку или хотя бы нужно было уложить парня рядом с собой, но девушка лишь закрыла глаза и аккуратно положила руки на колени Ника. Ей вновь хотелось побыть еще немного эгоистичной девчонкой, которой он ее считал.

Ночь поглотила измученный, пусть и даже не запомнивший день разум словно губка впитывает воду. Глаза Стефании закрылись и девушка погрузилась в мирный сон без сновидений. Столь нужный ей, спокойный и исцеляющий.

На утро Стефания даже не сразу вспомнила что было всего несколько часов назад – бестолково лежа на койке она смотрела в обшарпанное дно верхнего яруса и устало жмурилась от бывшего сквозь окно света. На улице стояло позднее утро – поезд замер на станции и люди ворошились вокруг него, переговариваясь, перекрикиваясь и вяло грузясь в вагоны, еще не до конца проснувшись. У них у всех была полноценная жизнь и все они куда-то спешили.

Приподнявшись на кровати и тихо шипя от внезапно вернувшейся боли в задевших край раскладного настенного столика руках, Стефания бездумно замерла в сидячем положении. Вчерашний день уже начал казаться сном, пусть и реалистичным, но все же сном. Такие встречи никогда не происходят просто так. Спонтанно. Верить в то что их встречу спланировал сам Ник Стефании не хотелось, да и не смогла бы она убедить себя в том что парень пошел бы на такое. Если бы ее попросили дать дополнительную характеристику к уже имевшемуся «чертовски очаровательному мерзавцу», то девушка скорее назвала бы Ника фокусником нежели кукловодом. Он мог вытянуть туз из рукава, мог симпровизировать, мог блефовать, но какие-то сложные расчеты всегда вынуждали парня хвататься за голову от безысходности и боли в ней. Он был и скорее до сих пор есть – человек инстинктов. Человек момента и порыва.

Внезапно в вялые и мрачные размышления девушки о сущности людей ворвался звук отодвигаемой двери и на пороге купе замер закутанный Ник с двумя пластиковыми стаканами, исходящими паром и свертком чего-то отдающего по запаху курицей и картошкой.

-Ого, ты проснулась! – тут же расплылся в улыбке Ник, укладывая все принесенное на раскладной столик, что с учетом его хромоты смотрелось несколько комично. – А ты все такая же соня, Стеф. И даже больше! Неужели жизнь в светском обществе так тебя разбаловала, что даже десяти часов сна тебе теперь мало?

-Я просто устала. – вяло ответила девушка. – А ты? Наверное не удобно было...

-О-о, выспался как огурчик! Чувствую себя если не отдохнувшим, то уж точно посвежевшим! Горы свернуть не обещаю, но если надо банку открыть или полочку прибить – обращайся.

-Очарователен, как и всегда. – не стала скрывать поселившееся в ней добродушие Стефания.

-Эй! – в притворной злости воскликнул парень. – Ты тут единственный очаровательный человек! Не нужно мне тут!

-Тогда кто ты?

-Твой спутник, конечно. Можно партнер, компаньон, гид, переводчик, если не оскорбит то любовник. Лучший.

-Лучший... - с усмешкой тихо пробормотала девушка. - Ну да... Куда мы едем Ник?

-А мне почем знать? - беззаботно пожал плечами Ник.

-Ник! Мы в поезде, билет купил ты! Куда мы едем, Ник? У меня были планы, ради Бога, мне нужно двигаться...

-В Тибет и из него в Непал. - со вздохом отозвался парень, падая на койку напротив. - У тебя в кармане была карта с пометками. Не беспокойся, твои закорючки я так и не смог разобрать, так что пометки на полях с удивительно часто проскакивающими фразами по типу «регенеративный фактор», «стимуляция метаболизма» и «эксперименты на людях» остались мной не прочитаны.

-Это мои теории. Не важно. Ты не должен ехать со мной, тебе это не нужно...

-Страна в которую ты едешь пусть и считается духовно просвещенной, но что запретит треснуть тебя по очаровательной головке и забрав все деньги, позже поставить свечку и помолиться? - недовольно забурчал парень, экспрессивно изображая что-то руками. - Нет, Стеф, я тебя не брошу. Мы оба поедem в Тибет и я буду рядом.

-Ты же даже не знаешь что я ищу...

-И что? Какое мне дело? Ты вот тоже не знаешь.

Казавшийся нерушимым аргумент, к которому она уже заготовила варианты ответов на дополнительные вопросы в миг оказался просто уничтожен о стену упрямства и заботы Ника, которым нельзя было противиться. Только не в ситуации Стрэндж.

У Стефании почти не осталось денег, путь в Россию ей пришлось оплачивать во втором классе на самых дешевых авиалиниях с пересадкой, пусть и не до какого-то захолустного аэропорта. Когда человек предлагает помощь другому в безвыходной ситуации тот кому предложили соглашается без раздумий, увлекая помощника в водоворот своих проблем и печалей, иногда топя его вместе с собой. Стрэндж поступила бы так же и была готова поступать вновь и вновь, если бы это помогло ей дойти до Камар-Таджа и получить ответы. Получить свою жизнь обратно. Вернуть контроль. Но только не с Ником...

Даже находясь на ее уровне парень сохранял свою твердость духа, продолжая жить и даже помогать ей, той самой эгоистичной дуре что причинила ему столько боли и проела не одну

дыру в черепе своими жалобами и рассуждениями, иногда еще и по пьяни напоминая ему о себе сообщениями, просто чтобы он не забывал, чтобы позлить, чтобы добиться от него... Чего-то.

Стеф понуро опустила голову. Она не могла простить себя за то, что собиралась принять правила этой игры, за то что была готова принять помощь Ника, неизвестно в каком состоянии. Стрэндж уже была готова провалиться сквозь землю на стул позора за свое эгоистичное желание.

-Ладно, хорошо. Мы продолжим вместе.

-Прекрасно! – радостно оскалился Ник. – Ты кстати кушай, совсем бедная отошала. У меня тут курочка-гриль в специях, немного горчичного соуса и соуса для барбекю, а так же много жаренной картошечки. Был еще пирог с капустой, но я же помню, что ты ее не переносишь, вот и съел.

-Даже сейчас помнишь такие мелочи, да, Ник? И у кого тут из нас фотографическая память.

-Ха-ха, первая любовь не забывается, Стеф!

-Возможно... А возможно тебе стоило бы не знать меня вовсе. Как думаешь?

В облике Ника что-то незримо поменялось, но взгляд Стефании смог уловить это изменение. Даже спустя столько лет она все еще отлично понимала мимику своего бывшего парня, находя в нем отличия. Ника всегда выдавали глаза – на лицо он был слишком хорошим актером, мог подделать любую эмоции, даже до вполне себе натурального плача, но вот глаза его никогда не лгали. Если парню было грустно они передергивались пеленой, если все очень плохо то он плакал не смотря на кошмарно идеальную улыбку; если он смеялся искренне, то его глаза словно сверкали, а при гнев зрачки начинали трепетать, расширяясь и сужаясь, дрожа и колеблясь словно круги на воде.

-Ты винишь себя за что-то, Стеф? – слишком серьезно спросил Ник.

-О чем ты? Давай лучше поедим? – неловко попыталась сменить тему девушка, надеясь, что как и всегда Ник подыграет ей. Но он отказался в этот раз:

-Не надо, Стрэндж. Я знаю тебя и помню это выражение лица и грустный, самобичующий взгляд упертый в коленки. Ты совсем не изменилась.

-Ну уж прости меня за это. Знаешь ли у меня...

-Я рад. Рад что ты осталась собой, пусть и испортилась. – Ник вновь стал собой, пусть и более настойчивым, он перегнулся через все купе и нежно обвил пальцами ладони Стефании. - Стеф,

не нужно себя ни в чем винить. Тут нет ничего такого, ни в том, что ты пострадала, ни в том что случилось со мной, ни в остальных делах и уж точно нет ничего такого чтобы я просто помог тебе. Верно?

-Верно? – неуверенно переспросила девушка, трепетно заглядывая в глаза парня.

-Верно. Вот и отлично, не стоит грузить себя лишними проблемами. Ты умная девочка, ты справишься со всеми этими глупостями, лишь временно одолевшими тебя. А я помогу.

-Ты и правда одержим... - слабо усмехнулась Стефания.

-Разве что сейчас и тобой. Целиком и полностью, Стефания.

-Почему? Я бросила тебя, я знаю, как тебе было больно, я видела это по тому как начали страдать твои герои в книгах. Так ради чего? Ради угасшей, старой любви с капризной девчонкой, не понимавшей что для нее лучше? Или все это ради сломанной взрослой дуры с переломанными и криво собранными руками без будущего?! Скажи, Ник! Ради чего!?

С минуту Ник молчал, его лицо не изменилось, оставаясь все таким же безмятежным, но глаза не лгали – он переживал в своих воспоминаниях ту боль что она – Стефания Стрэндж причинила ему. Он любил ее слишком сильно, и правда до одержимости, как собака, привязавшаяся к хозяину. А она лишь подогревала это после, не давая ему забыть. Но вот эти мгновения прошли и тусклый блеск снова вытеснил все. Поезд тронулся и мерно застучал колесами.

-Ты сделала мне больно Стеф, в этом ты права. Но вот любовь. Ты все еще моя Стефания Стрэндж, я вижу это по глазам и по движениям, по мыслям что роятся в этой очаровательной, гениальной головке. Да, ты оттолкнула меня ради выгоды, ты получила это, и ты забыла обо мне, испытывая лишь вялые и высокомерные чувства жалости, превосходства, ностальгии. – Ник загадочно ухмыльнулся, это можно сказать была одна из его коронных фишек – загадочно изогнуть губы и лениво взглянуть из-под век. – Некоторое время я и правда мучился от всего этого. Но когда меня сбила машина – я почувствовал, как все это и в особенности мое естество незначительно. Та машина отправила меня в кому на месяц, а ты знаешь что происходит с человеком в коме, Стеф?

-Мозг человека активно работает и задействует зрительную кору, так что по предположениям он находится в чем-то напоминающем сон или скорее...

-Там пусто, Стеф! Чернота кругом, и ты не видишь ничего, и даже если почувствуешь свое отсутствующее тело и поднесешь его к глазам! Я окунулся в себя, пожирал себя, говорил с собой, спорил, сражался, мирился и спал. Я размышлял. Месяц с лишним тишины наедине с собой и лишь глухие звуки извне – вот весь мой удел. И знаешь, о чем они говорили со мной? Ни о чем. Никто не навестил меня. Никто. – в противовес словам казалось, что Ник не испытывал по этому поводу никаких чувств, по крайней мере его глаза все так же смотрели в лицо Стефании с простой усталостью. – Позже я узнал, что два моих друга, два единственных

друга погибли. Первого расстреляли бандиты, когда он оказался не на той улице. А второй услышав новость обо мне – заспешил перелететь из России в США. Самолет разбился где-то на середине пути. И когда я очнулся, я ничего не испытал кроме сожаления и депрессии. Я пил, Стеф, хотя обещал, что не буду. Я плакал и пил, а в перерывах между рюмками – писал. Две книги за три месяца и весь доход в фонды поддержки коматозников. Тогда-то и появилась идея и я все продал. Бросил все. У просветления есть цена.

-Я не знала.

-Конечно. У тебя был триумф – операция на поврежденном тремя пулями мозге! Идеальная работа, я понимаю. – Ник склонился к столику и медленно положил в рот уже остывший картофель. – Тогда я испытал злобу и даже ненависть к тебе. Ты явно должна была слышать, об этом трубили по новостям... Нога не слушалась меня, не смотря на все усилия, кошмары преследовали мое сознание даже наяву, галлюцинации, спазмы вместе со ступорами и я решил просто отправиться домой, на родные просторы. Я шлялся по всяким деревням, аулам, станицам и городкам, объезжая всех знахарей, ведьм и шаманов с ведунами. Выискивая тех, кто сможет мне помочь. Ища того, кто дарует большее просветление. Но я услышал о тебе и мое сердце екнуло. Я думал, что забыл тебя, выбросил из жизни все воспоминания, заглушил новой любовью и мимолетными связями, но ты возникла у меня во сне прямо там, в хижине сибирского шамана. Глупый сон разбередил старую рану, а новость о твоей ситуации сделал только хуже. Не знаю на что я вообще надеялся... И я отправился на встречу к тебе, чтобы увидеть тебя потерянную, испуганную, чуть ли не сломленную, но все еще живую и удивительно радостно приветствующую меня. Вот она история. Такая простая.

-Ник... - жалобно вздохнула Стеф. Женщину трясло, ее руки отплясывали так как не отплясывали даже после операций, а горле стоял ком. Ей хотелось ответить, но все что вырывалось из горла был лишь тихий невразумительный писк. – Ник... Я...

-Спокойной ночи, Стеф. Тебе не стоит брать на себя много. Я помогу. И не просто так, Стеф – ведь у нас один путь, и я все еще не отпустил тебя. Ты уж потерпи до моего просветления. И снова – не вини себя, мы справимся.

Ник лег на койку и отвернулся к стене, теряя всякий интерес к разговору и ситуации вокруг. Стеф всхлипнула от всей этой ситуации, от жалости к себе, от жалости к Нику и от той правды что она не хотела видеть. Перед глазами на миг встали те пациенты, которым она отказала в приеме, не желая портить статистику ее хирургических побед. У большинства она даже не помнила, а точнее не знала лиц, сверяясь с сухими строчками текста истории болезни. Сожаления и боль – вот удел ее последних дней и пусть она забыла об этом после встречи с Ником, она же и вернула воспоминания, начав разговор.

Стрэндж улеглась на скрипнувшую кровать и тихо вздохнула. Сон совсем не шел и единственные мысли которые проникали в ее гениальную голову были либо самобичующими, либо слишком абстрактными и сумбурными, чтобы ухватиться за них.

Ради чего она вообще была здесь? Вот какой вопрос ее волновал больше остальных. И стоит ли оно того, стоят ли эти растревоженные раны? Может пока не поздно стоит повернуть и

поселиться в захолустье с Ником, попробовав вернуть то что было раньше?

Поезд стремился вдаль покачиваясь, ночь пробивалась в окно бледным светом, Стефания мирно дышала во сне, а рядом на койке сидел Ник. Его глаза уже не имели даже намека на обиду или раздражение, уступив нежности и жалости, а рука нежно сжимала ладонь подруги и впервые за долгие месяцы Стефания Стрэндж не металась в кошмарах о той ужасной аварии.

<http://tl.rulate.ru/book/69378/1845147>